

Кандидатура для поездки в Соляное управление Чанлу была утверждена, и Инь Чэньюю предстояло в ближайшие дни собраться и отправиться в путь.

Перед отъездом он направился во дворец Куньнин, чтобы проститься с императрицей Юй.

Императрица была уже на восьмом месяце беременности, и её живот заметно округлился. Роды ожидалась через месяц-другой.

Инь Чэньюй помог ей сесть и лично налил горячего чая.

— Я отправляюсь в путь и не знаю, когда смогу вернуться. Роды — дело опасное. В мое отсутствие, матушка, непременно берегите себя. — Он вложил в руку императрицы жетон. — Я забираю не всех людей из Восточного дворца. Если что-то случится, матушка может послать человека в Восточный дворец за подмогой или передать весть дедушке.

В прошлой жизни с императрицей Юй несчастье случилось двадцать первого числа второго месяца.

Сейчас было уже четвертое число второго месяца. Хотя Инь Чэньюй и распорядился тайно охранять императрицу, а также уведомил деда, чтобы тот внимательнее следил за происходящим во дворце, отсутствие возможности лично её оберегать все равно вызывало тревогу. Он боялся, что даже второй шанс не поможет избежать трагедии прошлого.

Выражение его лица было столь серьёзным, что императрице Юй пришлось самой его утешать:

— Что может случиться со мной во дворце? А вот тебе следует быть осторожнее. Поездка в Тяньцзинь сопряжена с неизвестными опасностями, ни в коем случае не рискуй понапрасну. — Она прекрасно знала характер сына: во всём он стремился к совершенству, не допуская ни малейшего изъяна. — Нет ничего важнее твоей безопасности.

— Сын знает.

Инь Чэньюй еще немного посидел с императрицей, беседуя с ней и соглашаясь со всем, что она говорила. Спустя три четверти часа, заметив на её лице усталость, он прервал разговор и позволил няне проводить её отдыхать.

Выйдя из дворца Куньнин, он увидел Сюэ Шу, ожидавшего снаружи.

Тот уже занимал посты цзяньгуана Императорских конюшен и тысячника по наказаниям Западного департамента, а также командовал гарнизоном Сывэй, сосредоточив в своих руках реальную власть. Он больше не носил скромную коричневую одежду и белые сапоги обычного стражника. Под черным плащом скрывался пожалованный императором Лунфэном халат-иса из узорчатого шёлка с изображением четырёх зверей и цилиндя. Голову венчала черная шапка

уша с золотой вышивкой, а поджарую, крепкую талию перехватывал пояс из рога носорога. Сюэ Шу держался прямо, его облик был исполнен достоинства.

Инь Чэньюй на мгновение замер, словно вновь увидел перед собой того самого высокомерного Цзю Цянь Суя из прошлой жизни.

Лишь потом он подошёл ближе:

— Цзяньгуан Сюэ ожидает здесь? Ищете Нас по какому-то делу?

Император явно намеревался вырастить из Сюэ Шу своего доверенного соглядатая, и Инь Чэньюй это только приветствовал. Поэтому внешне он, естественно, держался с Сюэ Шу на расстоянии, в его тоне сквозила вежливость, но не близость.

Сюэ Шу учтиво поклонился:

— Пятьсот храбрецов из гарнизона Сывэй собраны, суда на пристани Тунчжоу также готовы. Я пришел уточнить у Вашего Высочества время завтрашнего отправления.

— Чем раньше, тем лучше. Выдвигаемся в час Инь.

Инь Чэньюй пошел с ним рядом и, бросив на него еще один косой взгляд, заметил:

— Говорят, человека красит одежда, а коня — седло. Цзяньгуан Сюэ, вы и впрямь изменились.

Сюэ Шу, впрочем, не ощущал в себе никаких перемен. Но, встретив взгляд Инь Чэньюя, он на миг замер, а затем, словно по наитию, тихо спросил:

— Вашему Высочеству нравится, как я одет?

Инь Чэньюй отвел глаза и ровно произнес:

— Это лишь слова вежливости, цзяньгуан, не принимайте их всерьёз.

С этими словами он ускорил шаг, оставив Сюэ Шу позади.

Эта сцена, увиденная посторонними и пересказанная императору Лунфэну, окончательно его успокоила.

Похоже, он не ошибся с выбором: между наследным принцем и Сюэ Шу, вероятно, давно

существовала неприязнь.

***

Управление Соляного ведомства Чанлу располагалось в Тяньцзине.

Тяньцзинь находился в низовьях девяти рек и издревле считался «вратами столицы». Через него протекал Великий канал Пекин-Ханчжоу, обеспечивая удобное водное сообщение. От пристани Тунчжоу в префектуре Шуньтянь до Тяньцзиня по воде можно было добраться максимум за два дня.

На следующий день, в час Инь, когда восток еще не озарился рассветом, Инь Чэньюй уже сел в карету. В сопровождении Сюэ Шу и пятисот воинов императорской гвардии он направился к пристани Тунчжоу, чтобы взойти на корабль.

Из-за спешки в этот раз пришлось воспользоваться речным судном для перевозки зерна. Хотя жилые помещения на барже постарались привести в порядок, путешествовать на ней было далеко не так комфортно, как на императорской желтой лодке.

Вскоре после отплытия Инь Чэньюя начало укачивать.

Он прислонился к кушетке у окна-иллюминатора, чувствуя слабость во всем теле. Сил не было даже позавтракать, и он лишь вяло обмахивался ветерком у окна. Баржа покачивалась на волнах, и казалось, что все его внутренности тоже ходят ходуном. Лицо стало мертвенно-бледным.

Чжэн Добао, видя это, забеспокоился и лично отправился на камбуз проследить, чтобы приготовили что-нибудь легкое и возбуждающее аппетит.

Сюэ Шу стоял рядом, и на его лице тоже отразилось беспокойство. Поколебавшись мгновение, он предложил:

— Если Вашему Высочеству совсем дурно, я могу помассировать вам точки на висках. Это немного снимет головокружение.

Инь Чэньюй поднял на него глаза. Вероятно, ему было действительно плохо, он выглядел очень уязвимым. Поразмыслив недолго, он кивнул:

— Попробуй.

Получив разрешение, Сюэ Шу снял сапоги, взобрался на кушетку и опустился на колени позади принца. Инь Чэньюй положил голову ему на колени, и Сюэ Шу принялся умело

массировать ему виски, облегчая недомогание.

— Вашему Высочеству нельзя оставаться без еды и питья, так не продержаться. Плыть нам еще день и ночь, прибудем только завтра к вечеру. Имбирь полезен для желудка и помогает от тошноты. Позже я велю приготовить имбирный отвар. Выпейте полчашки перед едой, станет легче.

Инь Чэньюй, полуприкрыв глаза, вяло ответил:

— Не хочу.

Возможно, массаж Сюэ Шу подействовал - к нему вернулось немного сил, и он заговорил с Сюэ Шу, прерываясь:

— В четырнадцатый год правления Лунфэн в Шаньдуне случилось наводнение, и мне было поручено отправиться туда для оказания помощи. Тоже плыли по воде. Это была моя первая поездка на корабле, укачивало гораздо сильнее, чем сейчас. Тогда на судне была одна кухарка, которая, прослышав о моей беде, принесла мне баночку сама ею приготовленного... — На полуслове он запнулся, не в силах вспомнить название, и продолжил, опустив его: — Кажется, это было сделано из имбиря, очень освежающее и аппетитное. Все те дни на корабле я только благодаря этому и мог есть.

— Это был маринованный имбирь цзян цзы цзян, — подхватил Сюэ Шу.

— Точно, он самый! — воскликнул Инь Чэньюй и тут же с удивлением взглянул на него: — Откуда ты знаешь?

Сюэ Шу опустил глаза, его голос звучал ровно, без каких-либо эмоций:

— В четырнадцатый год правления Лунфэн я был в Цзинине. Там в каждой семье готовят такой маринованный имбирь. Та кухарка, должно быть, родом из Цзинина.

Только теперь Инь Чэньюй понял, почему тогда кухарка отказалась от награды, сказав, что это ничего не стоит.

— Ты тоже из Цзинина? — спросил Инь Чэньюй и тут же осознал, что почти ничего не знает о прошлом Сюэ Шу.

Откуда он родом, есть ли у него семья — все это было ему неизвестно.

С тех пор как он познакомился с Сюэ Шу, тот уже был внушающим трепет Цзю Цянь Суем. Его прошлое было скрыто под этим статусом, и никто не осмеливался расспрашивать.

— Нет, я родом из Шэньси, из мест около заставы Цзяюйгуань. Позже перебрался в Цзинин.

Инь Чэньюй впервые слышал об этом. Его охватило любопытство, и он спросил:

— Почему же перебрался в Цзинин? Есть ли у тебя еще родные? И как ты решил оскопиться и поступить во дворец?

Эта череда вопросов заставила Сюэ Шу на мгновение замолчать. Подумав, он осторожно ответил:

— В районе Цзяюйгуаня постоянно случались набеги олотов. Мы с матерью и старшей сестрой больше не могли этого выносить и решили отправиться в Шаньдун к родственникам... Позже осели в Цзинине, занимались мелкой торговлей.

— Затем случилось наводнение в Цзинине, мать заболела и умерла, а сестра вышла замуж. Я остался один, идти было некуда, вот и отправился в столицу. — Рассказывая о прошлом и об умерших родных, он был краток, его тон оставался подчеркнуто бесстрастным.

Инь Чэньюй, поначалу заинтересовавшийся, умолк. Он посмотрел на Сюэ Шу и сказал:

— Что было, то прошло, не стоит об этом говорить. Расскажи мне лучше что-нибудь забавное.

Сюэ Шу охотно согласился и перестал говорить о делах давно минувших дней, пропахших тленом. Вместо этого он стал рассказывать принцу забавные истории, услышанные на улицах.

Его низкий, приятный голос убаюкивал, и Инь Чэньюй, слушая, незаметно задремал. Он лежал на боку, положив голову на колени Сюэ Шу. Длинные волосы рассыпались по плечам, глаза с красивым разрезом были закрыты. Вместе со сном ушла и обычная его царственная отстраненность, уступив место редкой мягкости и уязвимости.

Сюэ Шу осторожно переложил его голову на мягкую подушку и спустился с кушетки.

Он не сразу вышел, а постоял некоторое время у ложа, затем тихо произнес:

— На самом деле, я тогда тоже был в Юйтае.

Они оба не сказали друг другу всей правды.

В четырнадцатый год правления Лунфэн в Шаньдуне действительно случилось наводнение. Но наводнения в Шаньдуне происходили ежегодно, в этом не было ничего необычного. Настоящей причиной, заставившей наследного принца лично отправиться в путь, стала вспышка эпидемии

в уезде Юйтай, подчиненном префектуре Цзинин.

А он с матерью и сестрой как раз полгода как поселился в Юйтае.

После начала эпидемии уезд Юйтай превратился в ад на земле.

Уездный начальник Юйтая оказался никчемным чинушей. После вспышки болезни он, наплевав на жизнь и смерть простого люда, спешно отправил донесение наверх и приказал солдатам оцепить весь уезд. Живые, мертвые, зараженные — все оказались заперты вместе. Те, кто изначально был здоров, со временем тоже заболели.

Но страшнее всего был голод.

После наводнения дома были разрушены, запасы зерна иссякли. Окруженные люди дрались насмерть за остатки еды. Доходило до того, что обезумевшие от голода обменивались детьми, чтобы съесть их.

В этой безнадежной обстановке мать тоже заразилась.

Заболевших чурались еще больше. Они могли найти приют лишь в полуразрушенном храме. Еды не было, лекарств тем более. Каждый день приходилось питаться кореньями и древесной корой. Это была не жизнь, а ожидание смерти.

Позже сестра, чтобы достать лекарства для матери, отдалась богачу Сюй, который давно её домогался.

Но даже это не спасло мать.

Не успел остыть прах матери, как бесследно исчезла и сестра. Он повсюду расспрашивал о ней и узнал, что богач Сюй подкупил стражу и сбежал из Юйтая, забрав сестру с собой.

А затем пришел слух, что из-за слишком серьезной эпидемии сверху поступил приказ — сжечь город.

В те дни он пребывал в забвении, словно увязнув в бездонной трясине, из которой невозможно выбраться. Мысль о смерти казалась избавлением.

В этом грязном, охваченном хаосом мире не оставалось ничего, за что стоило бы цепляться.

Пока он случайно не поднял голову и не увидел, как распахнулись городские ворота, и в них явился Инь Чэньюй — в простом одеянии, с черными как смоль волосами.

Словно божество, сошедшее на землю.

Раньше он презирал тех, кто молился богам и Будде. Столько людей страдает, разве могут божества позаботиться о каждом? Лучше полагаться на себя.

Но позже он понял: боги действительно могут спасти мир от страданий.

Он сказал, что начальник уезда Юйтай пренебрег своими обязанностями и уже казнен.

Он сказал: «Я с народом, Юйтай не будет сожжен, все выживут».

И он действительно выжил. Выбрался из грязи, шаг за шагом добрался до столицы, предстал перед ним.

С тех пор он стал его божеством, которому он будет преданно служить.

Примечание автора:

Пёсик: Я готов поднести божеству всё, что у меня есть, включая моё тело.

Принц: ?

<http://bllate.org/book/13382/1190728>